

Оценить в научном отношении статью В. П. Алексеева, посвященную утверждению существенной роли социальных факторов в процессе расообразования, довольно трудно как из-за сложности проблемы, так и из-за некоторой нечеткости изложения ряда ее исходных положений. Не вполне понятна, например, цель статьи. О влиянии социальных факторов на расообразование писали, как отметил сам автор, еще в начале 1930-х годов. Какие с тех пор появились новые данные, позволяющие расширить и углубить рассмотрение этой темы, — неясно, кто выступает против идеи о влиянии социальных факторов — неизвестно и т. п.

Своих возможных оппонентов В. П. Алексеев пытается обезоружить в самом начале статьи, заявляя, что человек, по утвердившемуся якобы в науке мнению, является существом социальным. При такой посылке доказательство роли социальных факторов вообще не нужно и может быть заменено лишь иллюстрациями, так как социальные явления, конечно, подвержены действию главным образом социальных факторов и в своих изменениях подчинены действию социальных закономерностей. В действительности, однако, эта исходная посылка неточна, ибо, по утвердившимся в нашей науке взглядам, человек является существом биосоциальным. Применительно к обществу можно говорить о том, что биологические закономерности выступают в «снятом виде» (хотя это и не вполне понятно), по отношению к человеку — не следует. Биологическое и социальное в человеке выступают не как ведомое и ведущее, а как две стороны, каждая со своими закономерностями. От антибиологического взгляда на человека постепенно освобождаются социальные науки; демографы, например, уже достаточно уяснили, что брачная пара под действием социальных факторов может ограничить число своих детей, но эти факторы не могут изменить биологических закономерностей овуляционного цикла, развития плода и т. п. Что же касается антропологов, то для них такой антибиологизм явно неуместен; показательно, что и сам В. П. Алексеев, декларировав его на первых страницах, в дальнейшем не так уж строго придерживается такого принципа.

В рассматриваемой статье встречаются частные погрешности. Вряд ли следует, например, объяснять эндогамность селений горного Дагестана только экономическими причинами — заинтересованностью их жителей «в сохранении рабочих рук — здоровых мужчин и женщин брачного возраста» (стр. 123). При господствующем патрилокальном браке мужчины и так остаются в селении; что же касается девушек, то они могли как бы обмениваться на невест из других селений. Не останавливаясь на таких частных погрешностях, перейду сразу же к центральной проблеме, расчленив ее для ясности на вопрос о роли социальных факторов в происхождении антропологических различий и вопрос об их закреплении и распространении в популяциях.

В основе появления антропологических особенностей, будь то прослеживаемые зрительно различия в пигментации кожи и волос, в форме лица или устанавливаемые лабораторным путем различия в составе крови, реакциях слюны и т. п., лежат биологические, или, точнее, генетические закономерности. Главная причина такой, пользуясь терминологией автора, «биологической дивергенции» — мутационные изменения хромосом, передающиеся по наследству следующим поколениям. Следует признать, что число причин, которые могут вызвать мутации, в последнее время возросло: в связи с развитием атомной энергетики и атомного оружия усилилась возможность радиационного облучения, появились новые химические вещества и биологические препараты, кото-

рые также могут вызвать мутации и т. д. Трудно сказать, можно ли безоговорочно относить радиацию или, например, препараты ДДТ к «социальным» факторам, но несомненно, что появление таких новых факторов мутации и их неравномерное действие в различных странах мира и на разные группы населения создает возможность для расширения генетических вариаций людей.

В подавляющем большинстве случаев мутационные изменения хромосом оказываются если и не фатальными, то явно неблагоприятными, понижающими в той или иной степени жизнеспособность следующих поколений. В прошлом последствия таких мутаций, в частности различные уродства, обычно устранялись в ходе естественного отбора (а иногда и детоубийством); в настоящее время в связи с развитием медицины часть из них может быть сохранена, что также в принципе ведет к увеличению генетических вариаций.

Для превращения генетических вариаций или генетических отклонений в антропологические вариации необходимо, чтобы эти отклонения распространились на какую-то группу людей, на популяцию, становящуюся сравнительно однородной по фенотипу и воспроизводящую свой новый генофонд в следующих поколениях. Это возможно в случае, если мутация не нарушает резко жизнедеятельности организма или если привнесенные ею отрицательные последствия по крайней мере уравновешиваются положительными, если новые гены являются доминантными или, в случае их рецессивности, если они закрепляются в популяции за счет внутренних браков. Этот процесс возникновения антропологических вариаций остается в своей основе биологическим; социальные факторы никак не могут «деформировать» действие биологических факторов (ситуация может, вероятно, измениться лишь с развитием «генной инженерии»), но действительно могут ослабить или усилить их действие.

В. П. Алексеев выделяет семь таких социальных факторов, подчеркивая их действие в центральном выводе статьи: «Итак, характер развития производительных сил, а с ним и общественного развития, господствующая в разных обществах система заключения браков, характер расселения тех или иных человеческих коллективов, социальная стратификация, этнические границы, государственные границы и сложившиеся социально-психологические стереотипы поведения — вот те элементы социальной структуры общества, которые действовали как дополнительный фильтр, ускоряя или замедляя процесс расообразования. Последняя формулировка, строго говоря, не вполне точна... При рассмотрении вопроса в целом, можно утверждать, что фильтр социальных факторов, через которые пропускаются биологические закономерности расообразования, всегда способствовал биологической дифференциации человечества, ускорял, а не замедлял его» (стр. 119).

Не останавливаясь опять-таки на имеющихся здесь частных неточностях, например на неоправданном ни в стилистическом, ни в смысловом отношении превращения «фильтра» из объекта в субъект, на нелепосообразности вывода, который тут же признается «не вполне точным» и корректируется, перейду к тому, насколько правильно выделены социальные факторы расообразования и насколько правильно дана общая оценка их действия.

Выделение В. П. Алексеевым социальных факторов проведено, мягко говоря, несовершенно, так как при этом не были учтены связи между ними. На наш взгляд, основным фактором здесь является социальная система заключения браков; все остальные, обусловленные типом хозяйства, классово-профессиональной и этнической принадлежностью, подданством и т. д., выступают не как таксономически равные ему, а как факторы этого фактора, определяющие возможность заключения и распространения браков между теми или иными группами людей. Фактор расселения, сводимый к расстоянию между возможными брачными партнерами, а

отчасти и к природным условиям, затрудняющим их контакты, в данном отношении вообще является не столько социальным, сколько географическим. Вместе с тем был упущен из вида важный и в целом самостоятельный демографический фактор, проявляющий свое действие как через численность и плотность населения, так и через особенности половозрастной структуры, а также через число детей в семье.

Представляется неверным и общий вывод В. П. Алексеева о том, что социальные факторы способствуют популяционной дифференциации, ускоряют процессы расообразования. Приводимые в доказательство этого отдельные факты такого действия некоторых из выделенных автором социальных факторов не очень весомы; при помощи отдельных фактов можно ведь доказывать все что угодно, например, что пятница — более несчастный день, чем, скажем, среда или четверг. Конечно, резкие различия людей по типу хозяйства, племенная и кастовая эндогамия, предпочтительное заключение браков внутри сословных групп и т. п. могли приводить к их большей или меньшей генетической изоляции, а тем самым способствовать антропологической дифференциации. Однако такое действие социальных факторов по мере исторического развития человеческого общества не усиливалось, а постепенно ослабевало.

Прежняя племенная и даже религиозно-кастовая эндогамия становится рудиментом, сословная и классово-профессиональная замкнутость ослабевает, развитие миграций нарушает территориальную обособленность отдельных групп, препятствует возникновению популяционных изолятов и явлений генного дрейфа. Можно ли говорить о том, что брачная, а вместе с ней и расово-дифференцирующая роль этнических границ «постоянно повышалась» (стр. 124), если известно, например, что только в СССР к 1959 г. число национально-смешанных семей достигло уже 5,2 млн., а к 1970 г. возросло до 7,9 млн. (13,5% всех семей страны). Брачные круги по существу на всей территории страны широки и неопределенны, а в результате наложения их друг на друга образуются обширные зоны сравнительно однородных вариаций антропологических признаков. В Бразилии, на Кубе и в ряде других стран Америки в результате брачного смешения продолжается процесс антропологической нивелировки прежних монголоидных, европеоидных и негроидных компонентов. Серьезным генетическим барьером остаются, конечно, государственные границы, однако в современную эпоху они все более проницаемы. Именно современная эпоха дает многочисленные примеры массовых межгосударственных миграций, которые развиты не только между странами одного континента (например, внутри Западной Европы), но и между странами разных континентов. К уже сложившимся направлениям миграций, например из стран Европы в страны Америки, в последние десятилетия прибавляются все новые потоки; десятки и даже сотни тысяч мигрантов из различных стран Африки направляются на работу во Францию, ФРГ, Великобританию и некоторые другие страны, причем какая-то (пусть даже небольшая) часть из них вступает в брачные отношения с местным населением, а это неизбежно ведет к нарушению прежних генетических барьеров, к нивелировке прежних антропологических вариаций.

Подводя основные итоги, следует еще раз сказать о том, что с развитием человеческого общества, прежде всего с развитием его производительных сил, число мутагенных факторов увеличивается; очевидно, возрастает и число мутаций, ведущих к генетическим отклонениям. Однако это не означает, например, что жители отдельного поселка при крупной атомной электростанции под действием биолого-генетических и «социальных» факторов имеют тенденцию превратиться в особую антропологическую группу, увеличив расовую дифференциацию человечества. Социальные факторы разнообразны, и действие их далеко не однозначно. И если одни из них (и в этом В. П. Алексеев прав) могут способствовать

«биологической дивергенции», то другие, обусловленные общим ходом социально-экономического и культурного прогресса, все более препятствуют проявлению генетических отклонений на уровне популяций, мешают превращению таких отклонений в антропологические вариации, не ускоряют, а тормозят процесс расообразования среди современного человечества.

В. И. Козлов

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ДИВЕРГЕНЦИЯ И ПОПУЛЯЦИИ

Статья В. П. Алексеева ставит ряд интересных, иногда дискуссионных проблем, многие из которых слабо разработаны как в биологической, так и в этнографической литературе. Дискуссионные проблемы касаются главным образом влияния социальных факторов на биологическую дивергенцию человеческих популяций и ее значения в расогенезе.

Сама по себе постановка вопроса о воздействии социальных факторов на биологические процессы вполне закономерна и заслуживает одобрения. Однако представляется, что социальные факторы выделены в статье недостаточно четко, и частично повторяют друг друга, например, характер расселения человеческих коллективов, этнический фактор и роль государственных границ; психологические традиции и этнический фактор и т. д.

Кроме того, нельзя не заметить, что хотя статья посвящена именно влиянию социальных факторов на дивергенцию, уже начиная со стр. 124 весьма убедительно показывается ограниченность их значения для предполагаемого процесса. К сожалению, не затронут важный для данной проблемы вопрос о практических следствиях воздействия социальных факторов на человеческие популяции; не показано, к каким изменениям в генотипе и фенотипе приводит воздействие социальных факторов в ходе дивергенции популяций. А без этих данных невозможно судить о значении этого воздействия.

Автор многократно отмечает, что процессы расогенеза продолжают-ся и в историческое время, в том числе и в современную эпоху. Не соглашаясь с этим, отмечу, что можно найти немало доводов в пользу того, что большие человеческие расы сложились в ходе формирования вида *Homo sapiens*, когда еще действовали силы естественного отбора, и в дальнейшем процесс расогенеза прекратился. Это видно хотя бы из того, что группы представителей различных рас, оказавшихся еще в очень отдаленные времена за пределами того ареала, где сложился их расовый тип, тем не менее сохранили этот тип и не обнаружили тенденции к складыванию в условиях новой экологической среды соответствующих приспособительных расовых черт. Это вполне закономерно, так как в ходе антропогенеза, по мере развития интеллектуальных способностей человека и его материальной базы, прекратилось действие естественного отбора, причем не только в отношении видовых, но и расовых признаков. В дальнейшем происходило главным образом смешение представителей разных рас, составлявших один биологический вид, что имело следствием размывание расовых признаков, возникновение промежуточных расовых типов и т. п. И этот процесс вел не к расообразованию, а к исторически обусловленной интеграции человеческих рас. В связи со сказанным не могу согласиться с тем, что «биология современного человека отражает